

DOI 10.35775/PSI.2025.120.3.002

УДК 930.85:347.9

О.В. ТЕРЕЩЕНКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Ставрополь
E-mail: tov-sk@yandex.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ КУБАНСКОЙ ЛИНИИ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье предпринят анализ принципов и особенностей возникновения Кубанской линии как основы освоения кавказского пространства казаками и частью зажиточного крестьянства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения причин создания Кубанской линии, а также фактологии, сопровождающей данное событие. В ходе освоения Северного Кавказа в сознании казаков на первый план часто выходила гордость за своих предков и даже некоторая горделивость, которая отделяла казака из одной станицы от казака из другой. Коллективизм казачьих общин и поселений был актуален только в том виде, в каком позволяла система взаимоотношений между разными социальными группами и представителями разных статусов. Отвага, смелость, героизм, конечно, занимали определенное место в картине мира казака, но данные ценности вовсе нельзя назвать первостепенными или главными. Ввиду наличия субпассионариев на Кубани в начале XIX в. происходило «смещение» – искусственное, внешнее нарушение процессов этногенеза, вызывавшее пассионарную напряженность. Проявление этого мы видим как в военной повседневности, так и в жилищной культуре. В рамках данного исследования мы используем специально-исторические методы и методы исторической антропологии. Результаты исследования свидетельствуют о постепенной эволюции оценок и установок казаков, вырабатывавших собственные исторические представления о функциях несения военной службы и расширения сельского хозяйства в условиях фронта.

Ключевые слова: Кубанская линия, казачество, фронтир, население, крепость, караул, коммуникация.

Введение. Возникновению Кубанской линии и расширению области культурной интеграции общин кубанского казачества предшествовало формирование единой системы создания фортов и крепостей, известной как «Кавказская укрепленная линия» или «Кавказская оборонительная линия». Вдоль всей пограничной структуры располагались укрепления кордонного типа, выстроенные вдоль двух крупнейших рек, где исторически расселились две основополагающие казачьи группы. Первый ориентир укреплений был закреплен за Кубанью,

второй – за Тереком. Строительство Кавказской укрепленной линии активно шло в период с XVIII по XIX вв., когда сама фортификация казачьих поселений приняла более логичный и последовательный характер с точки зрения логистики и генезиса заградительных устройств, караульных вышек и т.д.

Обзор источников и историографии. Источниковая база исследования включает в себя труды краеведов и историков-современников И.Ф. Бларамберга [1], М.А. Караулова [4], П.П. Короленко [5; 6], Г.Н. Прозрителева [9], А.А. Твалчрелидзе и Ф.А. Щербины [12]. Второстепенными источниками выступают путеводители и статистические данные. В исследованиях XIX в. сформировалась такая позиция, легшая в основу статьи: в своем завершенном виде Кавказская кордонная линия обороняла подконтрольные российской власти территории по северную сторону Кавказского (Главного) и Андийского хребтов. Терские поселения середины XVI в. и кубанские поселения начала XVII в. сформировали основу традиции несения военной службы с характерными принципами казачьего самоуправления.

1. Создание Кубанской линии. Изначально о Кубанской линии не упоминали представители местной администрации, но название таковых встречается уже в середине XVIII в., когда в сознании казаков происходили процессы культурной и этнической идентификации.

Командование Кавказом принимал генерал Павел Сергеевич Потемкин, сразу же ставший предпринимать активные меры не только по строительству крепостей, но и по решению проблемы культурной интеграции российских подданных, казаков, горцев и прочих местных народов. В этом отношении он в значительной степени отличался от Ф.И. Фабрициана, видевшего удержание Кавказа возможным только за счет «метода кнута» и приоритета силовых мер. Герой русско-турецкой войны Ф.И. Фабрициан, тем не менее, не был способен увидеть в образе горца, «чужого» личность, дорожащую своими традициями и культурой [1].

П.С. Потемкин был полной противоположностью своего предшественника: сохраняя авторитарные основы управления, он легко шел на контакт с местным населением. Первый серьезный шаг в налаживании связей между казаками и горцами сделал П.С. Потемкин, когда разрешил старшинам Алагирского, Тагаурского и Туальского обществ расселиться на предгорной равнинной территории, под защитой крепости, с условием, что те создадут все условия для обеспечения языкового и культурного контактов местных народов и казаков. Прежде всего, это касалось обмена культурой в ритуальном аспекте, затем – взаимобменом книжных традиций, прилюдным чтением Псалтыря и пересказом сюжетов из Нартского эпоса [4. С. 25].

Пограничная линия возводилась с целью защиты российской сети поставок товаров, системы логистики и коммуникаций военного и торгового типов. Среди казачьего населения линия активно использовалась для собственных нужд или нужд общины, но только с разрешения высокопоставленных наказных лиц. Наиболее актуальной оборонительная функция стала в период Кавказской войны 1817–1864 гг. [9].

Каждая из данных линий была отделена юридически (для закрепления за службой определенных общин) и оформлена как часть единой Кавказской линии в конце XVIII в. Изначально направление Кавказской кордонной линии следовало за течениями рек Кубани, Малки и Терека. Затем, в ходе расширения стен и продления караульных дорог, были образованы передовые линии по течениям рек Сунжи и Лабы [7].

Кавказская кордонная линия стала по праву называться укрепленной/оборонительной (в отношении организации военной дисциплины и создания оборонительных пунктов) в конце 40-х и начале 50-х гг. XIX в.

В ходе расширения оборонительных границ укрепленная линия распалась, и для ее восстановления командованием было принято решение разделить ее на левый фланг, центральную часть, северо-центральную часть, правый фланг и кордонную часть вдоль линии Черного моря. В состав линии условно входили т.н. «города-крепости» – крепость Грозная, крепость Внезапная, Владикавказская и пр. Вокруг наиболее оснащенных и сильных в военном плане крепостей формировались наблюдательные посты, затем – пикеты и редуты, которые со временем перерастали в форты, а новообразованные форты становились крепостями. По такому принципу осуществлялось покорение Северного Кавказа. На линии несли службу казаки в составе Кавказского линейного казачьего войска, делившегося на бригады, полки, резервные полки и батальоны с подконтрольными военными частями [2].

Императорский двор (и даже моздокский комендант) решили разделить Кавказскую укрепленную линию на отдельные казачьи караульные и хозяйственные линии, которые бы занимались обустройством южных губерний и постепенно «прививали» горцам нормы жизни российского общества. На пятом этапе Кавказской войны 1859-1864 гг. уже было окончательно решено, что теперь ее ключевой функцией станет помощь местным жителям в безопасном формировании земледелия и скотоводства. Следовательно, в 1860 г. Кавказская укрепленная линия была юридически упразднена, так как полностью утратила свое военное значение. Во второй половине XIX казачьи общины со сформированной картиной мира, выражавшей номадическую культуру (возможно, причиной окончательного закрепления номадического актуализма было лишь эхо Кавказской войны?), стали заниматься развитием сельского хозяйства в станицах. Отсюда и видимые хозяйственные и культурные следствия: расцвет культуры кубанского казачества, вливание новаций в казачьи традиции, интеграция с горцами и российскими государственными и лично свободными крестьянами [11].

Отправной точкой массовой фортификации и генетического дрейфа казачьих сообществ можно смело назвать Терский городок. Он оставался местом скопления казачьих общин. Их навещали купцы и торговцы, донские группы, оставившие свой след в истории культуры терского казачества. Итак, строительство линии не являлось первостепенной задачей, но, все же, государство выделяло средства на укрепление кавказских поселений. На берегу Терека генерал-аншеф В.Я. Левашов заложил Кизлярскую крепость, в которую вскоре были переведены

казаки из Святого Креста. Среди русских и украинцев на казачьей службе встречались и представители других народов, но сам глобальный процесс культурной и этнической интеграции начался, когда в ряды казаков стали входить осетины, чеченцы-аккинцы, кабардинцы, армяне и грузины, составившие основу горского населения на стороне российской армии. Под общим наименованием Терско-Кизлярское казачье войско русско-украинская часть казаков и горцы основывали крепости, станицы и аулы, создавая, таким образом, основу для формирования оборонительной линии вдоль Кавказа [12].

Второй предпосылкой формирования кавказской линии можно считать создание Моздокской казачьей команды (бригады), образованной, когда шамхал Малой Кабарды Кургока Канчокин принял крещение под именем Андрея Иванова и крестил своих поданных в Мездогу, в урочище, известном своими торговыми связями с казаками. Чтобы структурировать принцип и спецификацию набора под руководством терцев западнее Кизлярской крепости была основана крепость Моздок, на месте урочища. Вскоре возникла оборонительная линия между двух этих крепостей, которая в дальнейшем получит название Кизлярско-Моздокская. Когда Российская империя по Кючук-Кайнарджийскому миру получила Большую и Малую Кабарду, строительство крепостей и линий приняло более оформленный вид. Екатерина II была крайне заинтересована в структуризации строительства, но не могла позволить себе выделить достаточное количество ресурсов [6].

Мнение императрицы изменилось после событий Крестьянской войны Емельяна Пугачева, когда и возникла та самая острая необходимость. Казаков было нужно привлечь к охране границ, выработать у них чувство гражданственности и задать направление культурной идентификации, а также организовать военную повседневность. С этой целью разрушается Запорожская Сечь, а затем начинается строительство соединительных форпостов для создания Азово-Моздокской оборонительной линии, получившей среди казаков название «Старой линии» [5].

2. Особенности процесса возведения и расширения. Кубанская пограничная линия стала возводиться в 1777 году (в год основания Ставрополя), когда по указу императрицы Екатерины II, на Северном Кавказе развернулась новая серия строительства форпостов. Вскоре, 14 ноября 1777 года командующим кубанским казачеством был назначен прославленный генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. Уже 16 января следующего года А.В. Суворов в окружении местных мастеров и командования прибыл в крепость возле города Копыл и приказал выставить наблюдательные посты вдоль всей Кубани [3].

Когда посты сформировали единую область обзора, был оформлен контур Кубанской пограничной линии. Кубанская пограничная линия разрасталась, и со временем левый фланг ее отделился от общей системы обзора на наблюдательных постах. Тогда моздокский комендант принял решение о формировании Лабинской линии от левого притока Кубани.

Военная повседневность стала как никогда актуальной на рубеже XVIII-XIX вв., когда эхо войны еще отзывалось в сердцах ее ветеранов. Для формирования образа казака-воина станичный атаман на Кубани назначал опытного подручного, который бы обучал подрастающее поколение. Он должен был заниматься с молодежью показательными боями, верховой ездой, устраивать Шермиции и демонстрировать разного рода военные умения, заниматься с казаками джигитовкой, для лучшего освоения некоторых тактик ведения боя и приобщения к традициям горских народов. Стрельба и конные состязания составляли неотъемлемую часть повседневности кубанского казачества, как в станицах, так и в крупных городах. Все кубанцы обязательно проходили лагерные сборы, подтверждали факт овладения дисциплинами Шермиций и военными хитростями прошлого поколения, а также демонстрировали знания в области инновационных военных технологий (по крайней мере, из тех, которые были доступны для правительства губернии). Приходя на службу в полк, молодые юноши учились организовывать собственные команды, на досуге они прорабатывали боевые тактики и стратегии, иначе – помогали старшим со строительством крепостей, караульной службой и организацией хозяйства. Дисциплинарный устав, чтение топографической карты и постоянные тренировки составляли большую часть дня юношей. Взрослые казаки занимались в основном скотоводством, рыболовством, садоводством, реже – земледелием, которое поручали крестьянам, нанимавшимся к ним на службу. Это касалось большей части кубанцев, тогда как для ставропольского казачества земледелие превалировало по сравнению со скотоводством [3].

Огромное значение для военной повседневности кубанцев и казаков-ставропольцев имело восприятие действий ветеранов на смотровых площадках, возле караульных вышек и арен. Здесь выделялась т.н. психологическая подготовка юношей. Будучи военно-служилым сословием, казаки ценили, прежде всего, те ценности, которые прививает постоянное нахождение в атмосфере боевых действий, поэтому молодежь часто отправлялась в военные походы, либо в караулы за территорией губернии. Однако ценностные ориентиры прививались не только на поле боя, но и в мирной обстановке, когда атаманы воспитывали у своих подручных чувство социальной ответственности, взаимопомощи [8].

В целом, жилища поселений вблизи Кубанской пограничной линии относились к трем основным типам – усадьба, курень и хата. Менее распространены были дома-пятистенки и землянки (переходная форма жилища казаков-крестьян Ставрополя). Обычно курени строили казаки среднего слоя, которые материально или финансово не могли себе позволить строительство или покупку усадьбы. В традициях строительства куреня императивным можно назвать только обязательство строить первый этаж каменным, а второй деревянным (связано это было с древней религиозной нормой) [10].

Заключение. Так протекала жизнь поселений вблизи Кубанской кордонной линии. До выделения Лабинской линии многие казачьи поселения оставались разрозненными в культурном смысле. Каждый казак идентифицировал себя

только со своей станицей. Сословная общность не откликалась в историческом сознании, в отличие от православной культуры. Во всяком случае, мы можем смело говорить о том, что природа номадики кубанцев и казаков-ставропольцев была детерминирована их военной повседневностью, а та – строительством фортов и крепостей, консолидировавших различные казачьи группы, которые не могли определить интенцию деятельности и перспективу развития воинской службы до того, как правительством Российской империи перед ними не были поставлены конкретные цели, но были «враги» – и были «чужие». С осознанием этого факта, «укрепление» стало отзываться в утилитарной перспективе повседневности труда и быта, а концепт «покорения» возродил в казачьей ментальности угасавшее пламя номадического актуализма, которое разгорелось теперь с большей силой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бларамберг И.Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2019.
2. **Вейденбаум Е.** Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.
3. Кавказский сборник, издаваемый по указанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказскою Армиею. Том XI.
4. **Караулов М.А.** Терское казачество в прошлом и настоящем. – Владикавказ: Электронпечатня. Тип. Терского Областного Правления, 1912.
5. **Короленко П.П.** Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правительства, 1896.
6. **Короленко П.П.** Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация Северо-Западного Кавказа. Екатеринодар, 1910.
7. **Лиджиева И.В.** Институт местного самоуправления кочевых народов Степного Предкавказья в контексте имперского законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9.
8. **Македонов Л.В.** Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. Вып. 2.
9. **Прозрителев Г.Н.** Шейх Мансур: к истории Кавказской войны // Труды Ставроп. учен. архив. комиссии. 1911. Вып. 1.
10. **Твалчрелидзе А.А.** Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Репринтное изд. 1897 г. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.
11. **Щербина Ф.А.** Беглые и крепостные в Черномории // Киевская старина. Киев, 1883. Т. 6. № 6.
12. **Щербина Ф.А.** История кубанского казачьего войска. Том I. История края / Сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф.А. Щербина. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910.

O.V. TERESHCHENKO

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines, Stavropol branch of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russia

THE EMERGENCE AND EXPANSION OF THE KUBAN LINE DURING THE DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS

The article outlines the principles and features of the emergence of the Kuban Line as the basis for the development of the Caucasian space by the Cossacks and part of the wealthy peasantry. The relevance of the study is due to the need for a more detailed study of the reasons for the creation of the Kuban line, as well as the facts surrounding this event. During the development of the North Caucasus, pride in their ancestors and even a certain pride that separated a Cossack from one village from a Cossack from another often came to the fore in the minds of the Cossacks. The collectivism of Cossack communities and settlements was relevant only in the form in which the system of relationships between different social groups and representatives of different statuses allowed. Courage, boldness, and heroism, of course, occupied a certain place in the Cossack's picture of the world, but these values cannot at all be called paramount or main. Due to the presence of subpassionaries in the Kuban at the beginning of the XIX century. There was a «displacement» - an artificial, external disruption of the processes of ethnogenesis, which caused passionary tension. We see the manifestation of this both in military everyday life and in housing culture. Within the framework of this study, we use special historical methods and methods of historical anthropology. The results of the study indicate a gradual evolution of the assessments and attitudes of the Cossacks, who developed their own historical ideas about the functions of military service and the expansion of agriculture in the conditions of the frontier.

Key words: Kuban line, Cossacks, frontier, population, fortress, guard, communication.